

Посвящается моему мужу, Панчо, за его терпение, любовь, дружку, чувство юмора и готовность обойтись без домашнего ужина.

А также моим детям, Гейбу, Сету и Эли, за возможность испытать такую любовь, за которую и умереть не жалко.

Огонь и лед

*Мир, говорят, сгорит в огне
Иль станет льдом.
Вкус страсти я познал вполне —
Пожалуй, мир сгорит в огне.
Но если дважды гибель ждет,
То, ненависть познав сполна,
Я знаю, как смертелен лед —
Боюсь, зима
Нас всех убьет.*

Роберт Фрост

Пролог

У вильнуть от столкновения не удалось.

С замирающим сердцем я смотрю на своего защитника: он готов биться до последнего, хотя численное превосходство на стороне нападающих. Помощи ждать не приходится: в этот самый момент его семья тоже бьется не на жизнь, а на смерть.

Узнаю ли я, чем кончится та, другая схватка? Кто там победит, а кто проиграет? Доживу ли до того, чтобы это узнать? Шансов маловато.

Черные глаза, в которых горит дикая жажда моей смерти, следят, выжидая мгновения, когда мой защитник отвлечется. И в это мгновение я наверняка умру.

Где-то далеко-далеко в холодном лесу раздался волчий вой.

Глава 1

Ультиматум

Белла,
Не знаю, зачем ты заставляешь Чарли передавать записки через Билли, будто мы во втором классе. Если бы я захотел с тобой поговорить, я бы ответил.

~~Ты ведь уже сделала выбор, понимаешь? Ты не можешь получить и то, и другое, когда~~

~~«Смертельные враги» — что тут может быть непонятного? Ты~~

~~Я знаю, что веду себя как пупов, но ничего нельзя пожелать~~

~~Мы не можем быть друзьями, когда ты проводишь все свое время с бандой.~~

~~А мне только хуже становится, когда я слишком много думаю о тебе, поэтому не пишу больше.~~

Да, я тоже по тебе скучаю. Очень скучаю. Но это ничего не меняет. Извини.

Джейкоб

Я провела пальцами по листку, нащупывая углубления в тех местах, где ручка слишком сильно надавила на бумагу, почти до дырки. Я так и видела, как Джейк пишет эту записку: царапает злые буквы корявым почерком, перечеркивает строку за строкой, когда не выходят нужные слова, а то и ручку ломает огромными пальцами — тогда понятно, откуда взялись кляксы. Я так и видела, как ярость стягивает его брови к переносице и бороздит морщинами лоб. Будь я с ним рядом, могла бы и расхохотаться. «Да ладно тебе, Джейк, — сказала бы я. — Не напрягайся, выкладывай все как есть».

А вот сейчас смеяться совсем не хотелось. Я в сотый раз перечитывала слова, которые уже выучила наизусть. Его ответ на мою умоляющую записку — переданную Чарли через Билли, будто мы и впрямь во втором классе — меня не удивил. Я знала, что скажет Джейк, еще до того, как вскрыла конверт.

Удивляла только боль, которую причиняла каждая перечеркнутая строчка, — словно края букв резали острее ножа. Кроме того, за каждой незаконченной от злости фразой стояла неисчерпаемая обида, а за Джейкоба мне было больнее, чем за себя.

Мои размышления прервал запах горелого, донесшийся из кухни. В нашем доме, если кто-то кроме меня готовит ужин, впору удариться в панику.

Я сунула измятую бумажку в задний карман, мигом слетела по лестнице и успела в последний момент: банка с соусом для спагетти, которую Чарли поставил в микроволновку, совершила всего один оборот. Я рванула дверцу.

— Что-то не так? — недовольно спросил Чарли.

— Па, сначала надо крышку снять. Микроволновки металл не любят. — Я выхватила банку, открыла ее, вылила половину соуса в чашку, потом поставила чашку в микроволновку, а банку обратно в холодильник; установила время и нажала кнопку «старт».

Чарли наблюдал за моими манипуляциями, поджав губы.

— Но макароны-то я правильно сварил?

Я бросила взгляд на кастрюлю на плите — источник запаха, который и привлек мое внимание.

— Помешать бы надо, — доброжелательно заметила я. Нашла ложку и попыталась разлепить разваренный комок, прилипший к доньшку.

Чарли вздохнул.

— Что это на тебя нашло? — спросила я.

Он скрестил руки на груди, хмуро поглядел на проливной дождь за темными окнами и проворчал:

— Ничего на меня не нашло.

С чего это Чарли взялся готовить ужин? И почему ходит такой хмурый? Эдвард еще не пришел: обычно отец приберегает такие штучки для моего парня, чтобы каждым словом и жестом подчеркнуть нежелательность его присутствия. Только не стоит напрягаться: Эдвард и без того прекрасно знает, как Чарли к нему относится.

Я помешивала спагетти и, нервничая, по привычке прикусывала щеку изнутри, размышляя над словом «парень». Какой же он мне «парень»! Должно быть какое-то другое слово, более подходящее для выражения вечной привязанности... Но слова вроде «судьба» и «предназначение» в нормальном разговоре звучат по-дурацки.

У Эдварда на уме было другое слово, и именно оно заставляло меня нервничать. Даже когда я произносила его про себя, у меня скулы сводило.

«Невеста». Тьфу ты! От одной мысли трясти начинается.

— Что-то я не пойму, с каких это пор ты готовишь ужины, — сказала я, тыкая в плавающий в кипящей воде комок макарон. — Или, скорее, пытаешься готовить.

Чарли пожал плечами.

— Ни один закон не запрещает мне готовить ужин в моем собственном доме.

— Ну да, тебе ли не знать, — ухмыльнулась я, не сводя глаз со значка на его кожаной куртке.

— Ха! Один—ноль. — Словно вспомнив, что все еще одет, он стянул с себя куртку и повесил на специально предназначенный для нее крючок. Пояс с пистолетом уже висел на месте: Чарли несколько недель не считал нужным надевать его, уходя в участок. В городишке Форкс, штат Вашингтон, люди больше не пропадали, и загадочные волки гигант-

ского размера больше не показывались в вечно дождливых лесах...

Я молча тыкала ложкой в комок спагетти: Чарли сам созреет для разговора. Отец не особо словоохотлив, а судя по всему, попытка приготовить домашний ужин означает, что сказать ему есть что.

По привычке я глянула на часы: в это время я смотрю на часы каждые пять минут. Осталось меньше получаса.

Медленнее всего время тянулось между обедом и ужином. С тех пор как мой бывший лучший друг (и оборотень) Джейкоб Блэк предал меня и наябедничал о моих тайных поездках на мотоцикле — чтобы мне запретили выходить из дома и встречаться с моим парнем (и вампиром) Эдвардом Калленом, — нам с Эдвардом позволено видеться только с девятнадцати ноль-ноль до двадцати одного тридцати, исключительно у меня дома и под присмотром папочки, который не спускает с нас недовольного взгляда.

Так ужесточился мой домашний арест, который я получила за трехдневное отсутствие без объяснения причин и одно ныряние со скалы.

Конечно, мы с Эдвардом продолжали видеться в школе, и с этим Чарли ничего поделать не мог. А кроме того, Эдвард проводил почти каждую ночь в моей комнате — о чем Чарли и понятия не имел. Тут пришлось весьма кстати ловкость Эдварда — он мог бесшумно залезать через окно моей спальни на втором этаже, — а также его способность читать мысли Чарли.

Хотя середина дня оставалась единственным временем суток, которое мы проводили порознь, я уже не находила себе места, и минуты тянулись бесконечно долго. И все же я не жаловалась на суровость наказания, потому что, во-первых, знала, что сама его заслужила, а во-вторых, не могла обидеть отца, уехав от него сейчас, когда на горизонте нависла гораздо более серьезная разлука.

Отец с кряхтеньем уселся за стол, развернул мокрую газету и тут же неодобрительно зацокал языком.

— Па, и зачем ты только эти новости читаешь! От них сплошное расстройство!

Он пропустил мои слова мимо ушей и проворчал, обращаясь к газете:

— Именно поэтому все хотят жить в маленьком городе. Черт знает что такое!

— Ну а теперь чем провинились мегаполисы?

— Сиэтл рвется стать чемпионом страны по количеству убийств. Пять нераскрытых убийств за последние две недели. Представляешь? Пять!

— По-моему, Сиэтлу до Финикса далеко. А ведь жила же я в Финиксе.

И при этом никакое убийство мне ни разу не грозило, пока я не переехала в папин безопасный маленький городок. По правде говоря, мое имя до сих пор значится в нескольких «черных списках»... Ложка в руке затряслась, и по воде в кастрюле пошли волны.

— Ну а я бы ни за какие деньги там жить не согласился, — заявил Чарли.

Я поняла, что спасти ужин не удастся, и принялась накрывать на стол. Спагетти пришлось резать на порции ножом — Чарли наблюдал за процессом с виноватым лицом. Свою порцию отец залил соусом и с аппетитом принялся за еду. Я тоже, насколько смогла, замаскировала слипшийся ком и без особого энтузиазма последовала примеру Чарли. На кухне воцарилось молчание. Чарли все еще просматривал новости, а я открыла зачитанный до дыр «Грозовой перевал» на той странице, где остановилась за завтраком, и попыталась погрузиться в атмосферу Англии позапрошлого века в ожидании, когда отец заведет наконец разговор.

Я добралась до эпизода возвращения Хитклифа, когда Чарли прокашлялся и бросил газету на пол.

— Ты права, я и впрямь сделал это намеренно. — Он махнул вилкой в сторону склеившихся макарон. — Хотел с тобой поговорить.

Я отложила книгу. Переплет был уже до того истрепан, что она не закрылась.

— Так бы сразу и сказал.

Он кивнул и нахмурился.

— Я подумал, что если приготовлю ужин, ты будешь помягче.

Я расхохоталась.

— У тебя это здорово вышло! От твоих кулинарных талантов я совсем размякла. Так о чем ты хотел поговорить?

— О Джейкобе.

Мое лицо застыло.

— А что Джейкоб? — спросила я сквозь зубы.

— Тише, Белла. Я знаю, ты все еще расстроена тем, что он на тебя наябедничал, но ведь Джейк поступил правильно. Проявил ответственность.

— Ах ответственность! — Я закатила глаза. — Ладно. Так что насчет Джейка?

Заданный беззаботным тоном вопрос эхом отдавался у меня в голове. Очень непростой вопрос. Так что насчет Джейка? Мой бывший лучший друг теперь стал... кем? Моим врагом? Я поморщилась.

Чарли внезапно насторожился.

— Только не злись на меня, ладно?

— Злиться? За что?

— Ну, это и насчет Эдварда тоже.

Я прищурилась.

Чарли хрипло заговорил:

— Я ведь пускаю его в дом, верно?

— Пускаешь, — согласилась я. — На короткие промежутки времени. Разумеется, ты мог бы и меня выпускать из дома — тоже на короткие промежутки времени, — в шутку продолжала я, понимая, что под домашним арестом мне сидеть до конца учебного года. — Теперь я такая паинька...

— Вообще-то как раз об этом я и хотел поговорить.

Лицо Чарли неожиданно растянулось в улыбке, от которой вокруг глаз собрались морщинки и он помолодел лет на двадцать.

В этой улыбке для меня забрезжила тень надежды, однако я решила не пороть горячку.

— Па, что-то я не пойму. Мы говорим о Джейке, об Эдварде или о моем домашнем аресте?

Он снова улыбнулся.

— Да вроде как обо всем сразу.

— И как же они друг с другом связаны? — осторожно поинтересовалась я.

— Хорошо. — Он со вздохом поднял руки, словно сдаваясь. — В общем, я подумал, что ты заслуживаешь амнистии за хорошее поведение. Ты невероятно терпелива для своего возраста.

У меня глаза на лоб вылезли, и я не удержалась от вопля:

— Правда? Я свободна?

Что это вдруг на него нашло? Я была абсолютно уверена, что не видать мне свободы, как своих ушей, до самого отъезда из дома, да и Эдвард не заметил никаких колебаний в мыслях Чарли.

Отец поднял палец.

— При одном условии.

Моя радость тут же померкла.

— Вот так всегда, — простонала я.

— Белла, это не столько требование, сколько просьба. Ты свободна. Однако я надеюсь, что ты воспользуешься своей свободой... благоразумно.

— В каком смысле?

Чарли опять вздохнул.

— Я знаю, что ты мечтаешь ни на шаг не отходить от Эдварда...

— С Элис я тоже встречаюсь, — вставила я. Сестра Эдварда могла приходить в любое время, когда ей вздумается: для нее Чарли бы сделал все что угодно.

— Верно, — ответил он. — Но ведь у тебя и помимо Калленов есть друзья. Во всяком случае, были.

Мы молча уставились друг на друга.

— Когда ты в последний раз разговаривала с Анджелой Вебер? — перешел в атаку Чарли.

— В пятницу во время обеда, — тут же ответила я.

До возвращения Эдварда мои школьные приятели разделились на два лагеря. Я их называла «хорошие» и «плохие». Или «мы» и «они». К «хорошим» относились Анджела, ее постоянный приятель Бен Чейни и Майк Ньютон; эти трое ве-

ликодушно простили мое сумасшествие после отъезда Эдварда. Лорен Мэллори была заводилой на «их» стороне, и почти все остальные, включая мою первую подругу в Форксе Джессису Стэнли, охотно поддерживали ее выпады против меня.

А когда Эдвард вернулся в школу, разделение стало еще более резким.

Майк ко мне охладел, а вот Анджела по-прежнему проявляла преданность, и Бен следовал ее примеру. Несмотря на естественное отвращение, которое большинство людей испытывают к Калленам, Анджела каждый день садилась в столовой рядом с Элис. И через несколько недель вполне освоилась. Трудно не очароваться семейством Калленов — если дать им шанс проявить очарование.

— А помимо школы? — спросил Чарли, выводя меня из задумчивости.

— А помимо школы я вообще ни с кем не встречаюсь. Ты ведь меня никуда не пускаешь, разве забыл? Кроме того, у Анджелы есть парень. Она все время проводит с Беном. И если я действительно свободна, — добавила я максимально скептическим тоном, — то мы могли бы встречаться вчетвером.

— Ладно. Но тогда... — Чарли заколебался. — Вы с Джейком были неразлучны, как сиамские близнецы, а теперь...

— Па, давай уж выкладывай! — заявила я. — Какое именно условие?

— Белла, мне кажется, что тебе не следует бросать всех своих друзей из-за отношений с парнем, — сурово произнес Чарли. — Это нехорошо, и я думаю, твоя жизнь станет более уравновешенной, если в ней будут и другие люди. То, что случилось в сентябре...

Меня передернуло.

— Если бы твоя жизнь не сводилась к отношениям с Эдвардом Калленом, такого вообще могло бы не случиться.

— Ничего не изменилось бы, — пробормотала я.

— А может, и изменилось бы.

— Короче, что за условие?

— Условие таково: ты будешь пользоваться свободой, чтобы встречаться и с другими друзьями. Для равновесия.

Я медленно кивнула.

— Равновесие — это хорошо. Мне что, расписание составить?

Отец поморщился, однако покачал головой.

— Не стоит все так усложнять. Просто не забывай друзей...

Легко сказать, не забывай друзей! После окончания школы я не смогу больше встречаться с друзьями — ради их собственной безопасности. Как быть? Общаться с ними, пока есть такая возможность? Или уже теперь начать отдаляться, чтобы разлука наступала постепенно?.. От второго варианта меня бросало в дрожь.

— Особенно Джейка, — добавил Чарли.

А эта проблема еще хуже предыдущей! Я не сразу сумела найти нужные слова.

— С Джейком все не так... просто.

— Белла, с семьей Блэков у нас почти родственные отношения. — Голос Чарли снова стал по-отечески суровым. — И Джейкоб был тебе очень, очень хорошим другом.

— Знаю.

— Разве ты по нему совсем не скучаешь? — огорченно спросил он.

Горло внезапно перехватило, и пришлось дважды прокашляться, прежде чем я смогла ответить.

— Скучаю, конечно, — призналась я, не поднимая глаз. — Очень скучаю.

— Тогда в чем дело?

А вот это я никак не могла ему объяснить. Людям — нормальным людям вроде меня и Чарли — не положено знать о тайно существующем вокруг нас секретном мире, полном мифов и чудовищ. Лично я об этом мире знала все — и в результате моя жизнь висела на волоске. Не хватало еще и Чарли в это впутать.

— С Джейком у нас... проблема, — сказала я. — То есть с нашей дружбой проблема. Джейку, кажется, мало просто дружбы.

Я не стала углубляться в детали, правдивые, но незначительные по сравнению с тем, что стояла оборотней Джейка

смертельно ненавидит семью вампиров Эдварда — и меня заодно, поскольку я собираюсь к этой семье присоединиться. Такие вещи в записке не обсудишь, на звонки Джейк не отвечает, а моя идея лично посетить оборотня решительно не понравилась вампирам.

— По-моему, Эдварду не помешала бы здоровая конкуренция. — Теперь в голосе Чарли появился сарказм.

Я мрачно посмотрела ему в глаза.

— Ни о какой конкуренции и речи быть не может.

— Не желая общаться с Джейком, ты его обижаешь.

Ага, оказывается, это я не желаю с ним общаться!

— Думаю, что Джейк вовсе не хочет со мной дружить. — Слова обжигали рот. — И с чего ты вообще об этом заговорил?

Чарли смутился.

— Ну, мы сегодня с Билли...

— Вы с Билли сплетничаете, как старухи! — пожаловалась я, злобно втыкая вилку в слипшиеся макароны.

— Билли тревожится за сына, — ответил Чарли. — Джейку сейчас очень трудно... у него депрессия.

Я вздрогнула, но глаз не подняла, по-прежнему рассматривая комок макарон.

— А ты всегда возвращалась такая счастливая, когда проводила день с Джейком, — вздохнул Чарли.

— Я и сейчас счастлива, — прорычала я сквозь зубы.

Слова так не вязались с интонацией, что Чарли расхохотался, и я тоже не удержалась.

— Ладно, ладно, — сдалась я. — Пусть будет равновесие.

— И Джейкоб, — настойчиво добавил Чарли.

— Я попробую.

— Хорошо. Найди точку равновесия, Белла. И, кстати, тебе письмо, — сказал Чарли, неуклюже закрывая тему. — Возле плиты.

Я не шевельнулась: мои мысли завязывались узлами вокруг имени Джейкоба. В письме скорее всего какая-нибудь дурацкая реклама. Посылку от мамы я получила вчера, а больше никто и не должен был мне писать.

Чарли отодвинул стул и потянулся, вставая из-за стола. Отнес свою тарелку в раковину и, прежде чем вымыть ее,